

© 2006 г. А. И. МИЛЛЕР, О. А. ОСТАПЧУК

ЛАТИНИЦА И КИРИЛИЦА В УКРАИНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ И ГАБСБУРГСКОЙ ИМПЕРИЙ

Язык является одним из наиболее важных элементов в символике этничности. Трансформация этнического самосознания в национальное сопровождается переосмысливанием связи между языком и этносом, ее идеологизацией [1. С. 339]. Борьба вокруг консолидации и эманципации украинского языка дает в этом смысле особенно богатый материал для исследователей. Под консолидацией мы понимаем здесь не только сугубо филологические аспекты выработки единой литературной нормы, но и процесс установления политического консенсуса по вопросу языкового единства.

В XIX в. мы видим две “сцены”, на которых разворачиваются интенсивные споры и политическая борьба по этому вопросу – это подчиненная Габсбургам Галиция и подчиненные Романовым днепровская Украина (Малороссия) и Слобожанщина. Споры и борьба шли среди элит, которые идентифицировали себя как “русинские”¹, “малорусские” и/или украинские, принадлежали разным конфессиям и были выходцами из разных социальных групп. Но эта борьба вовлекает и “внешних”, “вненациональных” акторов, которые занимали доминирующее или господствующее положение по отношению к местным сообществам на окраинах империй, т.е. традиционные польские шляхетские элиты и имперские власти, а также церковные центры, прежде всего Ватикан. Это, в частности, означает, что адекватное рассмотрение данных сюжетов невозможно в рамках узко понятого национального нарратива, сосредоточенного преимущественно на “национальных” акторах.

Следует особо подчеркнуть, что события на двух сценах по обе стороны имперской границы были тесно взаимосвязаны. Иначе говоря, мы имеем дело с ярко выраженной спецификой оспариваемого пограничья, с характерным для таких ситуаций разнообразием проектов идентификации и стратегий лояльности, формирующихся в результате взаимодействия – как борьбы, так и сотрудничества – локальных и имперских акторов. В любой период и в любой ситуа-

Миллер Алексей Ильич – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН.

Остапчук Оксана Александровна – канд. филол. наук, старший преподаватель МГУ.

¹ Здесь и далее термин “русин”, “русинский” и под. употребляются в соответствии с общепринятой в XIX в. практикой и относятся ко всему украинскому населению западных регионов; не смешивать с современным этнонимом “русин”.

ции, будь то в Галиции или в “большой” Украине, число взаимодействующих акторов было больше двух, и, по крайней мере, начиная с середины XIX в., в них, как правило, участвуют акторы из обеих империй: Российской и Габсбургской².

Алфавит и, прежде всего, вопрос выбора между латиницей и кириллицей, был одним из важных элементов этой борьбы, наряду с вопросами орфографии, статуса языка и его применения (или запрета) в разных сферах жизни³. Алфавит (а иногда и шрифт, как это было с церковной кириллицей и “гражданкой” в Галиции) представляет собой многозначный символ, который несет важную этнокультурную и этнорелигиозную нагрузку. Он нередко играл и играет ключевую роль в процессах формирования идентичностей, особенно на пространстве этнокультурного пограничья. В истории украинского литературного языка проблема алфавита никогда не воспринималась только и исключительно в технических категориях удобства и адекватности (заметим, что с сугубо филологической точки зрения латиница не менее, а иногда и более адекватно, чем кириллица, отражала особенности украинской живой речи на письме⁴). Борьба различных акторов вокруг алфавита в XIX и начале XX в. является предметом этой статьи.

Пограничное положение украинских земель на стыке двух цивилизационных и культурно-языковых ареалов – *Slavia Latina* и *Slavia Orthodoxa* определило принципиально “открытый” характер украинской культуры в целом, который складывался в течение XVII–XVIII вв. в результате наложения социокультурных и собственно языковых границ. Одним из проявлений такой открытости является сосуществование – и конкуренция – в одном культурном пространстве разных религиозно-культурных дискурсов⁵, и как следствие – алфавитов и языков.

С одной стороны, границы культурной и коммуникативной компетенции языков в староукраинской книжной традиции являлись подвижными: часто даже внутри одного и того же памятника обнаруживаются фрагменты, написанные на разных языках (за исключением текстов, где выбор языка нес функциональную и стилистическую нагрузку, как в интермедиях или в полемической литературе). С другой стороны, в изданиях XVI в. язык еще довольно прочно связан с графическим кодом. Важнейшая функция алфавита в этот период – быть маркером границы. Смена языка обязательно предполагает смену алфавита, и – что естественно – смену уровня и типа дискурса. Начиная с XVII в. в униатской традиции становится возможным взаимопроникновение графических систем, причем латиницей нередко записываются не только “русские” тексты, но и церковнославянские. Подобная практика, как и многоязычие в целом, сохраняется, по крайней мере, до конца XVIII в.⁶. Параллельное употребление

² Более подробно о том, что процессы формирования идентичностей и лояльностей в соседних континентальных империях следует анализировать не в рамках отдельных империй, но в рамках своеобразной макросистемы континентальных империй, см. [2. Гл. 1; 3]. Рассматриваемый в данной статье сюжет может служить образцовой иллюстрацией этого тезиса.

³ Авторы статьи, один с точки зрения историка (А. Миллер), а другой – филолога (О. Остапчук), не раз обращались к изучению названных сюжетов: [4; 5. С. 142–155; 6. С. 257–269].

⁴ См., например, лингвистический анализ памятников XVII–XVIII в. [7].

⁵ Об этом см. [8. С. 101–113], о языковом аспекте см. [9. Р. 9–20].

⁶ См. подробнее [10. S. 232]; переводу униатских литургических текстов на латиницу как части культурной полонизации в более ранний период посвящен доклад Анны Болек на VI международном конгрессе украинистов (Донецк, 28.06–01.07.2005) “Polska grafika w XVII-wiecznych unickich tekstach liturgicznych (na przykładzie Ecphonematu P. Ohilewicza)”.

двух алфавитов для украинского текста широко практикуют типографии на Правобережной Украине, прежде всего униатские, в том числе типография Пochaевского монастыря⁷. В целом весь период вплоть до XIX в. характеризуется довольно широким использованием латинского алфавита для письменной фиксации украинского языка в разных частях этнической территории (преимущественно на границах с ареалами распространения латинской графики). Причем часто “латинизация” письма не рассматривается в идеологических категориях: так, прежде всего практические цели преследует приспособление венгерской графики для передачи текстов хозяйственного содержания на закарпатских территориях⁸.

Идеологизация проблемы алфавита происходит постепенно. Алфавиты не воспринимаются как различные формы этнокультурного выражения вплоть до середины XIX в. Так, распространявшееся в 1830 г. на Правобережье возвание польских повстанцев “Do Wiścian” (*Panowie gromada chrześcianie w poddaństwie...*), адресованное крестьянам, сохранилось в 3 вариантах: по-польски (вероятно, это был исходный вариант), по-украински латиницей (*Panowe hromada chrestyane w podaństwi...*), и, наконец, записанное кириллицей (*Панове громада крестіяне въ подданьстѣ...*)⁹. Несмотря на поражение восстания, и после 1831 г. латиница остается преимущественной формой передачи украинской речи на Правобережной Украине, касается ли это записи фольклорных текстов или создания оригинальных произведений на украинском языке. Для авторов – выходцев из местной шляхты, для которых польский язык был основным (родным), использование латиницы для передачи украинской речи являлось одним из средств включения правобережных земель в общепольское культурно-языковое пространство. Один из ярких примеров – литературное творчество Тымка Падуры, который на базе польской латиницы создал даже собственную систему орфографии, максимально приближенную к украинской фонетике¹⁰. Записи украинских фольклорных текстов латиницей публикуются также на украинских землях в Австро-Венгрии, выполняя (сознательно или неосознанно) все ту же функцию маркирования “своего” цивилизационного пространства. Один из самых известных примеров – фольклорный сборник В. Залесского (будущего губернатора Галиции) [15].

В соседней Белоруссии в 1835 г. в типографии виленской римско-католической епархии неизвестный автор печатает латиницей по-белорусски катехизис, снабдив его польским названием “Krótkie zebranie nauki Chrześcijańskiej dla wieśniaków mówiących językiem polsko-ruskim wyznania Rzymsko-katolickiego” (“Краткое собрание христианской науки для сельчан римско-католического исповедания, говорящих на польско-русском языке”. Wilno, 1835). Обратим внимание на формулу “польско-русский язык”, аналогом которой в дискурсе русского национализма позднее станет концепция “малорусского наречия русского язы-

⁷ См., например, фрагмент из хозяйственного справочника И. Ленкевича с параллельным текстом на кириллице и латинице [11. С. 394].

⁸ См. тексты конца XVIII в. на местном наречии, записанные латиницей в [12]. Там же таблица соответствий знаков в кириллице, “гражданке” и латинице (напр., ж = ź; с = dz; і, ї = i; оу = у = u, ё = јi, і, є).

⁹ Текст из собрания “Do Mieszkańców Gubernii Nowo Rossyjskich” [13. С. 103–214]. Материалы предоставлены д-ром Артуром Чесаком.

¹⁰ В частности, он ввел особый знак для обозначения звука средней артикуляции между e и i “дабы показать разницу в произношении” (здесь и далее перевод наш. – O.O.): [14. С. 125–126.]

ка". Несколько позже, с 1838 по 1846 г., издает свои сборники белорусских народных песен бывший филомат и близкий друг Адама Мицкевича Ян Чачот. В них, среди прочего, обнаруживаются белорусские песни, записанные латиницей (подробнее см. [16]).

Конфронтация между сторонниками латиницы и кириллицы в Галиции возникает в середине 1830-х годов в связи с предложением ввести латиницу для передачи народной речи, сформулированным униатским священнослужителем и общественным деятелем Иосифом Лозинским (1807–1889). В качестве реализации проекта он издал первое в Галиции этнографическое описание украинского свадебного обряда, куда были включены народные песни, записанные польской в своей основе латиницей¹¹. Мотивирует он это исключительно практическими соображениями: "Руський язык, не бувши ще письменним, має свободу вибрati собі таку азбуку, яка була би найздібніша до відання його звуків і найкорисніша для його розвою. Таким уважаю абецадло польське" (цит. по [18. С. 210], полностью статью см. [19. Т. 114. Кн. 2. С. 81–116; Т. 115. Кн. 3. С. 131–153; Т. 116. Кн. 4. С. 87–125]). Однако в ходе полемики, вызванной этими публикациями, Иосифом Левицким и Маркияном Шашкевичем отчетливо формулируется тезис о кириллице как национальной святыне и религиозном символе: "Найбільшою обманою, ба неспрошенним гріхом в сем ділі є, що писатель відвергши Азбуку питому руську, приняв букви ляцькії, котрі ціло не пристают к нашему язикови. Чи годит-ся безчестити святиню?.. Азбука святого Кирила була нам небесною, незборимою твердею перед довершеним знищеньном, була найкріплісчим стóупом, несколибімою скалою, на котрій Русь святая через тілько столітей люто печалена, крепко стояла" (цит. по [20. С. 64–68], опубликовано впервые в [21], ср. также: [22; 23]).

Еще больше обостряется конкуренция языков и алфавитов в ходе политической борьбы в Галиции в 1848 г. Именно в это время противопоставление латиницы и кириллицы в культурном дискурсе в Галиции приобретает формы сознательной конфронтации национальных атрибутов – соответственно польского и украинского. По-украински латиницей издаются тексты открыто идеологического содержания (воззвания, прокламации, пропагандистские стихи), которые, как и печатаемые латиницей периодические издания (например издаваемый Иваном Вагилевичем "Dnewnyk ruskij", орган полонофильского Русского Собора), призваны участвовать в обосновании пропольской политической и культурно-цивилизационной ориентации¹². Весьма показательна в этом отношении цитата из произведения Д. Коциндыка (псевдоним Rusyn z Drohobycz) под названием "Rusyn do Rusyniw" (Lwów, 1848): "Rusyn, Polak to dwa tiſia/ Szczo jednego serdcia syſia / Ożywaje z rodu,/ A chto nam inaksze mowyt/ Toj nasz woroh, toj nas zwodyt,/ Na naszoju szkodu!" [25. Д. 18. Л. 45–46].

Сравнение текстов пропагандистских стихотворений и политических воззваний на кириллице и латинице, обращенных к жителям Галиции, показывает,

¹¹ Речь идет о текстах "O wprowadzeniu abecadla polskiego do piśmiennictwa ruskiego" (Rozmaitości. № 29) и "Ruskoje wesile opysanoje czerez J. Łozińskiego" (Przemyśl, 1835), где призыв "брать язык из уст простого народа" сочетается с принципом "писати так, як загально вимовляється" (см. [17]). Он известен так же как автор одной из первых грамматик украинского языка "Gramatyka języka ruskiego (małoruskiego)" (1846). Позже Лозинский отходит от идей латинизации украинского письма, о чем свидетельствуют его более поздняя статья "О образованию языка русского" (1850) и деятельность в составе комиссии по разбору проекта Иречека.

¹² Лингвистический анализ украинских текстов полонофилов см. [24. С. 311–358].

что противопоставление охватывает не только и не столько алфавит, но выражается скорее в оппозиции разных моделей языка и типов литературного стандарта, связанных с различными политическими и формирующими национальными дискурсами¹³. В то время как латиница фиксирует преимущественно народную речь, максимально приближенную к живой разговорной (т.е. “наречие”, диалект), кириллица сигнализирует о введении текста гораздо более традиционного по форме, с большим числом церковнославянизмов, где алфавит и все прочие языковые средства направлены на манифестацию связи с культурно-церковной традицией. П. Магочи предлагает в этой связи разделить участников языковой дискуссии в Галиции на “традиционистов”, сохраняющих “славено-русский язык”, записанный этимологическим письмом, и “модернистов”, допускающих использование народного языка как литературного и ратующих за фонетическое правописание [26. С. 220–238]. Стремление к литературной эманципации народного языка, отмечаемое в обоих случаях, исходит из принципиально разных позиций. В первом – живой язык используется как средство обращения к социальным низам. Лишь в будущем он должен достичь уровня литературной обработки. Показательно мнение одного из самых заметных галицийских полонофилов Каспера Ченглевича: “Я не утверждаю, что русский язык не подлежит обработке... Но никто не сможет возразить, что в польском языке уже есть необходимые средства, чтобы стать соответствующим орудием образования. В червено-русском языке таких средств нет. В нем есть только народные песни как литература и песни Падуры”¹⁴. Во втором случае апеллирование к традиции как таковое является “пропуском” в литературу для народного языка. “Азбучная война” в Галиции к середине XIX в. решается в пользу кириллицы [28. С. 26], которая, таким образом, становится основным графическим способом оформления украинской речи на письме в данном регионе. Позиция Вены в этом вопросе во многом объяснялась тогда восприятием галицких “русинов” как союзников в борьбе с польским движением. Центр орфографической дискуссии на время смещается к проблеме шрифта (“церковная” кириллица или “гражданка”) и к выбору принципа правописания: этимологического или фонетического.

Однако алфавит снова становится предметом ожесточенной борьбы в Галиции в конце 1850-х годов. В мае 1858 г. по указанию наместника Галиции гр. А. Голуховского была создана специальная комиссия по переводу галицийских русинов с кириллицы на латиницу. Предпринимается попытка законодательно ввести латиницу в тех школах Галиции, где преподавался “русский” язык. С 1848 г. “руська мова” утверждается в школах Галиции для “руських” громад: ответ Головной Русской Раде от 9 мая 1848 г. за подписью министра Пиллердорфа “An die ruthenische Verzammlung in Lemberg” (о документе вспоминает И. Франко в ст. “Азбучна війна в Галичині”). Латиница для печатания законов и

¹³ См., например, украиноязычные воззвания, записанные латиницей из [25. Д. 15]. Там же обнаруживаем текст принципиально иной по своей стилистике и языковой форме: “До всѣхъ громадъ Архідієцезальнихъ. Одозва”. Кириллицей отпечатана была и “Одозва до руского народа” в первом номере газеты “Зоря Галицка” (1 мая 1848 г.), органе Головной Рады Русской.

¹⁴ “Nie twierdzę, że ruszczyzna nie jest zdolna do wykształcenia... Ale że język polski ma już przyimioty potrzebne, aby był narzędziem oświaty dogodnym, nikt nie przeczy. Czerwono-ruszczyzna nie ma tych przyimiotów, dopiero więc musi być obrabiana. Ma ona tylko pieśni gminne, jako zasób piśmennictwa i piosnki Padury” [27].

официальных объявлений “по-русъки” была официально закреплена решением Министерства внутренних дел Австрийской империи [29. С. 47].

С благословения австрийских властей чехом Йозефом Иречеком, занимавшим важный пост в австрийском министерстве просвещения, был подготовлен проект латиницы для передачи украинской речи на письме¹⁵. Брошюра с изложением проекта Иречека была напечатана в начале 1859 г. как официальная, но фактически закрытая публикация, и в продажу не поступила. В своем проекте он сознательно сочетает принципы фонетической и этимологической орографии и не случайно останавливает свой выбор на чешском – не польском! – образце для украинской латиницы, предвидя возможную негативную реакцию местных элит. Впрочем, такая реакция все равно была неизбежна.

В момент появления проект Иречека вызвал прежде всего подозрения в “чешской” интриге. Их формулирует М. Малиновский в письме к Г. Шашкевичу: “Між слов’янами поляки, росіяни та чехи воюють за перевагу, за принципат. Чехи хотять нам своє панування накинути, а ми, як не хочемо мати нічого спільногого з поляками й росіянами, то й не хочемо чеського принципату” (цит. по [32. С. 146]; ср. также [33. С. 33]). Однако связь латиницы с польской письменной традицией оказалась в языковом сознании гораздо более прочной, став своеобразным стереотипом, не случайно ее часто называли “абецадлом” (ср. польское *abecadło*). Таким образом, усилия Иречека по созданию латинского письма, очищенного от национальных коннотаций, оказались тщетными. Неоцененными остались и практические достоинства новой системы орографии, хотя с сугубо филологической точки зрения проект был хорошо продуман, последовательно реализовывал принципы фонетической орографии, использовал уже имеющийся опыт реформирования славянских азбук и был, по сути, довольно удачной попыткой синтеза разных латинских график¹⁶.

Иречек вовсе не скрывал идеологической мотивации проекта. Член партии чешских консерваторов и сторонник австрославизма, он был озабочен не только тем, что кириллической шрифт (читай церковный) не может быть приспособлен к потребностям живого языка. Его беспокоило, что до тех пор, пока галицкие “русины” будут писать и печатать кириллицей, у них будет проявляться уклон к церковнословянщине, а значит и к “русскости” (подробнее см. [32. С. 143]). Здесь его мнение полностью совпадает с мнением австрийских властей, которые, в условиях кризиса в отношениях с Петербургом после Крымской войны, были озабочены распространением в Галиции “москофильских” настроений. Именно эта озабоченность, по-видимому, и стала основной причиной создания комиссии. В этой точке пересекались интересы Вены и местных поляков, которые стремились противодействовать развитию конкурирующих с польским больших и малых национальных проектов.

¹⁵ Опубликовано отдельным изданием [30]. О проекте Й. Иречека и общем его контексте см. [31. С. 5].

¹⁶ “Идейным” вдохновителем Иречека в практической части проекта можно считать Фр. Миклошича. Как система чешская латиница была впервые использована им в “Vergleichende Lautlehre der slavischen Sprachen” (Wien, 1852) для передачи на письме украинских примеров. Правда, во втором издании своего труда Миклошич (1874) высказался за использование для украинской речи реформированной по сербскому образцу кириллицы. Не исключено, что на такую смену взглядов могли повлиять результаты обсуждения проекта Иречека. Подробнее об этом сюжете см. [32. С. 140–147].

Специально созданная комиссия после обсуждения отклонила проект Иречека. В составе комиссии оказались представители различных галицких идеиных течений: С. Литвинович, М. Куземский, Г. Шашкевич, К. Моша, Е. Зелиг (подробнее см. [34. С. 12]). Но все они были едины в отрицании самой возможности латинизации украинского письма. Единой была и мотивировка: “пропадет и дух украинского народа, и вера” [32. С. 145]. С этим согласились даже те члены комиссии, которые (как епископ С. Литвинович) не отрицали практической пригодности латиницы для передачи украинской речи. Весьма показательна в этом отношении эволюция взглядов И. Лозинского. В середине 1830-х годов он, будучи в тот момент крайним “модернистом”, спровоцировал первый раунд “азбучной войны” своими публикациями на латинице, но к 1850-м годам отказался от возможности применения латиницы к украинскому письму и – более того – от идеи литературной эманципации народного языка, перейдя в лагерь традиционалистов-“московофилов”. Подобная эволюция взглядов по мере кристаллизации национального проекта в Галиции – не редкость для этого периода, достаточно вспомнить пример деятелей “Руської трійці”: Ивана Вагилевича, Маркияна Шашкевича и Якова Головацкого. Инициаторы первого издания на “местном (народном, диалектном) языке” (1837) и пропагандисты культурного “украинизма” в дальнейшем избрали различные политические (читай национальные) идентификации: Головацкий стал видным деятелем традиционалистов-“московофилов”, Вагилевич избрал пропольскую ориентацию, лишь Шашкевич остался в лагере модернистов-“народовцев” (подробнее об этом см. [35. Р. 111–125]).

Хотя брошюра Иречека и не поступила в продажу, тем не менее она довольно скоро стала фактом публичного обсуждения. Реакция общественного мнения Галиции на проект Иречека была резкой. Как писал И. Гушалевич Я. Головацкому, “всіхъ серце запеклося кровью” [18. С. 226]. Суть претензий к Иречеку в наиболее развернутом виде сформулировал один из лидеров “традиционистов”, Богдан Дедицкий, который, в свое время, и учил его украинскому языку. Произведя основательный разбор достоинств и недостатков обеих азбук, он объявляет кириллицу “єдиним приступом к святыне высоких правд божиих” [36. С. 20]. Дедицкий формулирует основные доводы противников латинизации. Во-первых, это опасность “азбучной войны” для единства галицкого “русинского” движения: “общое замешательство и безконечная свара за азбуку”. Во-вторых, разрыв местных письменных традиций: “роспаденіе нашей словесности”. В этой связи Дедицкий упоминает только западноукраинскую традицию в Буковине, Галиции и Закарпатье и не апеллирует к идее единства с традицией Малороссии и Правобережной Украины¹⁷, что, возможно, было следствием самоцензуры в условиях, когда позиция Вены в “украинском вопросе” еще не была для него вполне ясной. В-третьих, это разрыв с культурно-религиозной традицией: “насильный разрыв межи рускою словесностю нынешних времен а рускою словесностю віків прошедшихъ”. Наконец, он делает главный вывод, совпавший, по сути, с выводом комиссии, разбирающей проект Иречека: “Латинская азбука производить тут не только велике замішательство, но оразъ несогласie и роздвоеніе въ одноплеменної браті... Розрывъ духової жизни цілого народа, –

¹⁷ В современной украинской лингвистической традиции латиница рассматривается именно в качестве одного из препятствий для создания единой литературной нормы и унификации письменных традиций, см. [34. С. 20].

то найбoлeстnийшoe горе, яke коли существовалo въ свiтi!.. Мы тoго не пiйmaєmся, bo у нас так не бывало!” [36. C. 37–40].

Итак, основной причиной поражения сторонников перевода украинской графики на латиницу в Галиции следует считать идеологизацию проблемы алфавита как инструмента влияния в национальном дискурсе. Это, впрочем, не означало, что практические попытки использования латиницы исчезают вовсе. Так, в 1861 г. предложения по продвижению чешской латиницы (с использованием отдельных польских букв) на Буковине сформулировали Антон Кобылянский и Кость Горбаль в своей работе «*Slovo na slovo dla redaktora “Slova”*». Полемический ответ появился незамедлительно – им стала пародийная брошюра, напечатанная чешской латиницей в приложении к газете – “Слово” “*Holos na holos dla Haličiny*” (об этом см. [37. C. 173; 32. C. 140]). И позже в лагере галицийских “поленофилов” публикуются украинские стихи, записанные польской латиницей, один из примеров – стихи Януария Позняка [38] (кириллический текст см [39. C. 84–85]). Латиница также неизменно использовалась в 1860–1870-е годы в официальных стенограммах галицийского Сейма для передачи выступлений “русинских” депутатов.

Таким образом, мы видим, что к концу 1850-х годов проблема алфавита для языка галицийских “русин” перестала быть предметом внутригалицийских споров. В результате подключения к ней Вены она превратилась в предмет имперской политики. Это не прошло незамеченным в России, власти которой к тому времени еще не имели большого опыта в регулировании языковой сферы.

Империя Романовых до восстания 1830–1931 гг. на всех западных окраинах стремилась опираться на местные элиты и непрямые формы правления. Ее вмешательство в языковую ситуацию здесь было минимальным, а позиции польского языка в западных губерниях после разделов нисколько не ослабли. Даже когда в начале XIX в. власти в целях контроля потребовали от евреев перевести часть деловой документации с идиш на более доступный чиновникам язык, они оставляли за евреями выбор между русским, польским и немецким. Иначе говоря, язык заботил их как медиум, а не как инструмент формирования идентичности. Лишь после восстания 1830–1831 гг. власти существенно сократили сферу использования польского языка в Западном крае, перестав рассматривать польскую шляхту как лояльную региональную элиту. В период между восстаниями Николай I даже обсуждал со своими сановниками возможность полного перевода польского языка на кириллицу¹⁸.

Хотя призрак малорусского сепаратизма тревожил Петербург, особенно после раскрытия Кирилло-Мефодиевского братства в 1847 г., в процессы развития украинского языка власти империи вплоть до конца 1850-х годов также практически не вмешивались.

Как известно, центром формирования нового украинского литературно-языкового канона в первой половине XIX в. является Левобережье, где пишутся и/или издаются все важнейшие тексты, положившие начало кодификации народного языка, начиная с “Энеиды” И. Котляревского (1798). Публикация на-

¹⁸ См. об этом [40]. После восстания 1863 г. Николай Милютин, уже не рассчитывавший на примирение с польской шляхтой, надеялся воспитать в духе лояльности польского крестьянина, и Б.А. Успенский отмечает, что предпринятые тогда гражданской администрацией Царства Польского попытки ввести русские буквы в польскую письменность (без полного запрета латиницы) были призваны воздействовать прежде всего на крестьянство [40. C. 141].

родного фольклора и оригинальных текстов на “малороссийском наречии” сразу вызвала к жизни проблему передачи специфики украинской речи на письме. Довольно скоро формируется и противопоставление позиций сторонников письма, максимально приближенного к реальному украинскому произношению, и тех, кто настаивал на употреблении русской в своей основе орфографии, приспособленной к передаче украинской речи, но отражающей общность в развитии обоих языков. Суть споров не сводилась, разумеется, к чисто техническим проблемам, а отражала (как и “азбучная война” в Галиции) поиск образца для письменного стандарта. Орфографическая дискуссия сохраняет свою значимость в течение всего XIX в.: в общей сложности было сформулировано около 50 орфографических проектов [41].

На Левобережной Украине принцип фонетического правописания декларирует уже автор первой малороссийской грамматики Ал. Павловский: “Я намерен все слова малороссийские писать точно теми буквами, какими они там произносятся (в т. числе *i* на месте *o*, *хв* на месте *ф*, *ця* вм. *ца*, *i* на месте *ять*)”¹⁹. Однако долгое время он фактически остается в меньшинстве. Гораздо более авторитетно звучат голоса сторонников правописания, основанного на историко-этимологическом принципе. Среди них, несомненно, наибольший вес имело мнение М. Максимовича, взявшего за образец орфографию первых изданий Котляревского по двум причинам. Во-первых, она позволяла сохранить связь с традицией (прежде всего с традицией “общерусской”). Во-вторых, этимологическое правописание позволяло избежать копирования региональной речи: “Нашей малороссийской правописи не должно, да и нельзя уже быть простою, внешнею копировкою звуков языка буквами. Оно должно необходимо, кроме исторической своей стихии, выражать собой более или менее внутренние, этимологические законы и свойства нашего языка. Без этого не может быть и правописание нашего языка, существующее простирающееся на все его видоизменения, какие существуют в устах говорящего имъ народа – отъ Карпатскихъ горъ до степей Задонскихъ и береговъ Кубани” (цит. по [45. С. 91], см. также [46. С. 312–328]). Разработанная Максимовичем и примененная им при издании сборников украинского фольклора (1827) историко-этимологическая система орфографии, вводившая надстрочные знаки для обозначения *i* на месте *o*, *e*, *u*, *и* и параллельное употребление *ы*, *и* для обозначения украинского *и*, становится общепризнанной в Российской империи и активно применяется. Для нас в данном случае важно, что оба аргумента Максимовича (традиционность и некоторая надрегиональность орфографии) в дальнейшем были использованы имперскими властями. Эта аргументация прекрасно вписывалась в идею литературного “общерусского” языка, позволяла поддержать историческую связь русских и украинских слов и звучания, а также препятствовала слишком активной литературной эманципации “малороссийского” наречия и регионализации письменного языка. Таким образом, попытки влияния на формирование орфографических норм украинского литературного языка уже в момент их складывания стали одним из важнейших аспектов языковой политики империи.

В то же время вплоть до 1850-х годов сама возможность украинских публикаций латиницей в Российской империи не ставилась под вопрос, о чем свидетель-

¹⁹ Цит. по [42. С. 41] (оригинальное издание [43]). Впервые для западноукраинской традиции этот принцип сформулировали составители и авторы альманаха “Русалка Дністровая” (1837): «Держалисмо-ся правила: “пиши як чуєшь, а читай як видишь”» (см. [44. С. 60]).

ствуют, в частности, издания стихов Спиридона Осташевского [47] и других правобережных авторов (см. [48], о нем см., в частности, [49]). То же справедливо и для белорусского. С 1855 по 1857 г. В. Дунин-Марцинкевич без каких-либо проблем издал в империи четыре книги на белорусском языке латиницей.

Однако уже в 1859 г. издание латиницей белорусского перевода поэмы А. Мицкевича “Пан Тадеуш” было арестовано, причем именно из-за алфавита. Сам “Пан Тадеуш” в Российской империи запрещен не был. Власти даже выплатили Дунину-Марцинкевичу компенсацию за понесенные убытки, поскольку тираж был отпечатан до того, как власти приняли постановление, гласившее, что “печатание азбук, содержащих в себе применение польского алфавита к русскому языку”, отныне запрещается. Цензорный циркуляр специально уточнял, что “следует постановить правилом, чтобы сочинения на малорусском наречии, собственно для распространения между простым народом, печатались не иначе, как русскими буквами” [50. Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 4840]. После 1859 г. возможности легально издавать белорусские книги латиницей в Российской империи уже не было вплоть до начала XX в. [16].

Инициатива к запрету латиницы для украинского языка исходила от киевского отдельного цензора Новицкого²⁰. 14 марта 1859 г. Новицкий направил письмо попечителю Киевского учебного округа Н.И. Пирогову, в котором отмечалось распространение в империи “рукописей на малорусском наречии, но писанных польскими буквами”, а также ввоз из Галиции книг “на червонно-русском наречии, печатанных также польскими буквами”. Непосредственным толчком для Новицкого послужило, вероятно, знакомство с “Новой украинской азбукой”, написанной латиницей, которая была ему представлена на предмет получения разрешения к печати²¹. Цензор, в частности, писал: “Принимая во внимание, что с предстоящим освобождением крестьян грамотность между ними, по всей вероятности, распространится и усилится, что крестьяне западных губерний, встречая здесь книги, написанные на малороссийском языке только польскими буквами, естественно, захотят более изучать польский, чем русский алфавит.. что из обхождения с польским населением здешнего края, понимая польский язык, весьма легко могут перейти к чтению собственно польских книг и через то подвергнуться влиянию лишь польской литературы с отчуждением от духа и направления литературы русской, и наконец, что в Галиции... тамошнее польское население сознательно и упорно стремится к тому, чтобы между коренным русским населением вместо кирилловского алфавита ввести в употребление исключительно польский алфавит с целью подавления, литературным влиянием, русской народности и постепенного преобразования ее в народность польскую, каковые тенденции тем же путем могут распространиться на наши Западные губернии... не будет ли признано полезным, в видах охранения русской народности в русском населении Западных губерний постановить на будущее время, чтобы сочинения на малороссийском языке печатаны были в пределах России русскими буквами, или, где окажется нужным, церковнославянскими, и чтобы тексты на червонно-русском наречии, печатанные за границею польскими буквами, не дозволены были к привозу в Россию в значительном ко-

²⁰ В 1862–1863 г. Новицкий сыграл важную роль и в подготовке известного циркуляра Валуева о запрете популярных изданий на малорусском наречии.

²¹ Азбука упоминается в переписке попечителя округа с Министерством народного просвещения (см. [51. Л. 3]).

личестве экземпляров одного и того же сочинения” [51. Л. 1–1об]. 5 мая 1959 г. Пирогов написал на основании данного письма представление министру народного просвещения гр. Е.В. Путятину, а уже 30 мая Путятин разослал циркуляр за номером 1296, который и устанавливал этот запрет [51. Л. Зоб., 7, 7об]. Аналогичные меры были распространены на белорусский язык. 19 июня 1859 г. Пирогов разослал распоряжение о выполнении циркуляра в подведомственные ему органы цензуры, т.е. от момента, когда киевский цензор Новицкий сформулировал свои предложения, до превращения их в официальную инструкцию МНП прошло лишь три месяца.

В письме Новицкого ясно обозначены все причины, по которым власти могли опасаться распространения польского алфавита применительно к украинскому и белорусскому языкам. Очевидно, что события в Галиции в 1858–1859 гг. сыграли здесь далеко не последнюю роль. Разъяренный поведением Австрии в ходе Крымской войны, Петербург с особым вниманием следил теперь за любыми шагами Вены, и реакция на “игры с алфавитом” в Галиции была незамедлительной. Это тем более любопытно, что на тот момент в имперской бюрократии еще не было ясного мнения по вопросам, касавшимся статуса украинского языка в Российской империи, в частности о возможности его использования в школах, для перевода Священного писания и для издания журналов. Эти проблемы интенсивно обсуждаются вплоть до 1862 г., причем мотив угрозы того, что поляки хотят “взять в свои руки инициативу в деле образования простого народа в Юго-Западном крае в видах распространения польской национальности”, оставался важным в этих дискуссиях²².

Польское восстание 1863 г. ускорило не только процесс принятия бюрократических решений в отношении языковой политики на западных окраинах империи, но и кристаллизацию проекта “общерусской нации”. Валуевский циркуляр, понимавшийся как временная мера, запретил летом 1863 г. украинский перевод Священного писания (об этом см., в частности, [53. С. 26–27]) и использование украинского в школе и в публикациях “для простонародья”. Галиция в этом контексте выступает как центр конкурирующего проекта – сначала польского, позже – собственно украинского. Имперская политика в отношении украинского языка предполагала разные уровни регламентирования языковой сферы. Наряду со стремлением властей не допустить повышения статуса языка и предотвратить литературную эмансиацию “наречия”, объектом воздействия становится языковая система как таковая. Цель состояла в недопущении формального отграничения от русского языка на всех уровнях системы. Решение 1859 г. о запрете латиницы для “малорусского наречия”, которое изначально было реакцией на события в Галиции и на попытки поляков и пропольски ориентированных украинских и белорусских деятелей распространить латиницу среди крестьян западных окраин, теперь стало частью широкой системы мер, направленных на ассимиляцию восточнославянского населения империи в единую нацию.

Интересно в этой связи проследить использование языка в польской пропаганде в ходе подготовки к восстанию 1863 г.²³. В отличие от 1830–1831 гг. про-

²² Об этом, со ссылкой на министра внутренних дел Валуева, писал председателю Церзурного комитета барону А.П. Николаю летом 1861 г. министр народного просвещения Путятин [51. Ф. 707. Оп. 261. Ед. хр. 7. Л. 5]. О дискуссиях по поводу статуса украинского языка см. также [4. С. 63–110; 52].

²³ О пропагандистской деятельности руководства восстания см. [54. С. 181–189].

пагандистские тексты, в том числе возвзвания к крестьянству, публикуются либо по-польски, либо по-украински, но уже только с использованием кириллического алфавита. В этом отношении особенно показателен такой известный документ, как “Золотая грамота”. “Грамота” распространялась на всей территории, охваченной восстанием. Повстанческое руководство не исключало возможности выступления крестьян против повстанцев и старалось избежать восприятия восстания крестьянским населением западных окраин как дела “шляхетского” и “польского”. «Именно по этой причине повстанческое руководство остерегалось полонизмов как в тексте “Золотой грамоты”, так и во внешнем ее оформлении» [55. С. 205]. Этот факт свидетельствует об окончательном закреплении за кирилицей функции национального украинского атрибута, причем также в сознании поляков.

Впрочем, это справедливо только для украинского случая. В то же самое время (в мае 1863 г.) подпольное правительство повстанцев издало специальный манифест, адресованный “братьям Белорусам”. Этот документ был напечатан на белорусском языке латиницей. Языковая форма возвзвания здесь, как и в украинском случае, была тщательно продумана. Использование же латиницы, по-видимому, могло быть связано с характером адресата пропагандистских текстов: естественно, что повстанцы ожидали найти своих союзников прежде всего в среде белорусов-католиков. В качестве другой возможной причины использования восставшими “своего” графического кода при обращении к населению белорусских земель можно рассматривать большую (чем в случае с Украиной) размытость культурно-цивилизационной границы. Это связано, среди прочего, с более поздним оформлением собственно белорусского национального (и культурно-языкового) дискурса. Как следствие, здесь не было “азбучных войн”, да и четкой позиции в отношении латиницы с белорусской стороны так и не сформировалось. В свою очередь, российские власти, приняв вызов польских повстанцев, попытались организовать контрпропаганду и издали ряд брошюров на белорусском языке кириллическим шрифтом, адресуя их, как и поляки, крестьянам²⁴. Как видим, в белорусском случае эксплуатация конфликта алфавитов продолжается представителями обоих конкурирующих “больших” проектов: русского и польского; борьба за идентичность в условиях неопределенности еще не завершена.

Вскоре после подавления восстания, в 1865 г., власти Российской империи ввели запрет на латиницу и для литовского языка. Сравнение этой меры с запретом латиницы для украинского и белорусского в 1859 г. позволяет увидеть различия в стратегическом целеполагании властей при принятии мер, которые, на первый взгляд, кажутся идентичными.

Власти империи меньше, чем власти национальных государств, озабочены гомогенностью населения, особенно на окраинах. Далеко не всегда имперская власть, в том числе и при регулировании языковых вопросов, руководствуется националистической логикой, т.е. ставит перед собой цель реализации того или иного проекта культурной и языковой гомогенизации. Нередко приоритетом здесь является лояльность, т.е. утверждение такой версии локальной идентичности, которая была бы совместима с лояльностью империи (по определению гетерогенной политии), в том числе лояльности цивилизационной. Различие

²⁴ В 1861 г. в Могилеве вышла брошюра “Бяседа старога вольніка з новымі пра іхняе дзела” (б.м., 31 с.), подробнее см. [16].

национального и цивилизационного фактора в политике властей не всегда можно провести достаточно четко, но оно заслуживает подробного обсуждения. Образ Российской империи – особого цивилизационного пространства, где окраины лояльны центру не только как центру власти, но и как центру цивилизационного притяжения, безусловно, существовал в качестве идеала в умах имперской элиты. Часто используемый в то время термин “сближение” далеко не всегда означал русификацию в националистическом смысле, т.е. ассимиляцию и внедрение русской национальной идентичности. Уже упоминавшиеся проекты перевода польского языка на кириллицу в период между восстаниями связаны были скорее с надеждой утвердить среди поляков такую версию польской идентичности, которая сочеталась бы с лояльностью империи и династии. Запрет на латиницу в отношении литовского языка также был направлен не на ассимиляцию, но на аккультурацию в Российской империи. Цель состояла не в том, чтобы сделать литовцев русскими, но в том, чтобы максимально дистанцировать их от мятежных поляков.

Подобная политика применялась не только на западных окраинах. В 1858 г. в Волго-Камском регионе массовые переходы крящен в ислам вызвали к жизни систему, разработанную известным миссионером и востоковедом Н.И. Ильминским. К 1862 г. он подготовил для крящен перевод на татарский букваря и молитвенника с использованием кириллического алфавита. Этот же принцип перевода религиозной литературы на местные языки с кириллическим письмом был применен Ильминским в отношении ряда народов Поволжья, а также башкир и казахов. Здесь нужно отметить два обстоятельства. Еще в начале 1850-х годов Ильминский, отдавая приоритет миссионерской деятельности над языковой русификацией, планировал разработку письменности для ряда местных языков с использованием арабской графики. Только под влиянием более опытного востоковеда В.В. Григорьева, который убедил его в существовании угрозы распространения татарского влияния (а с ним идей исламизма и пантюркизма) на соседние народы, Ильминский остановил свой выбор на кириллице [56]. Его деятельность не раз подвергалась нападкам со стороны приверженцев языковой русификации. Одним из контраргументов Ильминского было то, что татарский ассимиляционный проект имел в то время больший потенциал, и его деятельность по развитию местных языков блокирует эту опасность, а кириллица служит предпосылкой для более легкого последующего усвоения русского (о ситуации в Волго-Камском регионе см. [57–60]).

Таким образом, при всех различиях рассмотренных ситуаций на имперских окраинах мы видим ряд сходных черт. Во всех случаях у властей существовало опасение, что определенная группа на окраине достаточно сильна в материальном и культурном отношении, чтобы попытаться реализовать собственный ассимиляционный проект в отношении более слабых групп. В Западном крае сооперником Российской империи выступало лишенное государства польское движение, в остзейских провинциях эта угроза была прямо связана с растущей силой Германии, а в Поволжье – с Османской империей как альтернативным центром притяжения мусульман и тюркских народов. Во всех случаях власти стремились воспрепятствовать реализации такого проекта, и во всех случаях одним из инструментов было более или менее настойчивое насаждение кириллицы. Опыт Ильминского показывает, что не всегда это являлось результатом прямолинейного стремления к русификации – ведь он даже разрабатывал письменность на местных языках. В Западном крае литовский случай также принад-

лежит к данной категории, поскольку приоритетом была борьба с конкурирующим влиянием и стремление закрепить версию идентичности, которая сочеталась бы с лояльностью империи, в том числе и как цивилизационному пространству. Если мы учтем, что в Галиции политика поляков пользовалась поддержкой Вены, то будет очевидно, что во всех случаях можно говорить о языковой политике как о части сложной системы соревнования между империями-соседями.

В отношении восточнославянского населения западных окраин власти к началу 1860-х годов выработали мнение, согласно которому обучение грамотности должно было происходить на “общерусском” литературном языке. Украинский и белорусский должны были остаться на положении наречий как языки для “домашнего обихода”, для издания художественной литературы о местной жизни, исторических и фольклорных памятников. Попытки поляков использовать латиницу для украинского и белорусского однозначно воспринимались как стремление перетянуть “русинов” на свою сторону, а те, кто уже мыслил националистическими категориями, видел в них желание “расколоть” формирующуюся общерусскую нацию. Уже в запрете латиницы применительно к “русскому” языку в 1859 г. речь отнюдь не случайно идет о польских (а не латинских) буквах. Очевидно, что в политике в отношении украинского и белорусского языков сочеталось, с одной стороны, стремление нейтрализовать попытки поляков, в том числе и с помощью алфавита, провести на этом пространстве цивилизационную черту по границе Речи Посполитой 1772 г., и ассимиляторский план объединения всех восточных славян империи в рамках “общерусской нации” – с другой.

В свою очередь, в центре внимания украинского националистического дискурса с 1860-х годов оказался вопрос о том, какая система орфографии – фонетическая или этимологическая – должна использоваться в украинских публикациях. Это было напрямую связано с конфликтом “общерусской” и “украинской” наций. В ходе орфографической дискуссии, развернувшейся в петербургских, киевских и харьковских изданиях, этимологическое письмо становится не только символом традиции, но и знаком ее единства, общерусского характера; фонетическая орфография, в свою очередь, становится не только средством собственно языковой модернизации, но и национальной эманципации. Постепенная фонетизация украинской орфографии (как в Российской империи, так и на западноукраинских землях²⁵) означала постепенное оформление собственно украинского языкового и национального проекта.

Осуществившееся в начале 1860-х годов переосмысление орфографических дискуссий в национальных категориях вызывало вполне естественную реакцию со стороны властей. После восстания 1863 г. и принятия Валуевского циркуляра и Эмских инструкций 1876 г. (тексты обоих документов см. [4. С. 240–244]), резко ограничивших разрешенную сферу применения украинского языка, власти продолжили попытки регулирования украинского языкового пространства, но теперь именно в вопросах орфографии. Цензура инструктировала издателей, что за образец правописания должна быть принята этимологическая орфография “Собрания сочинений на малороссийском наречии” И.П. Котляревского (Киев, 1875) [50. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61а. Л. 41об]. Власти стремились регули-

²⁵ Обзор процесса постепенной “фонетизации” орфографии с собственно филологической перспективы см. [61. С. 6–9; 34. С. 9–15]

ровать вопросы орфографии там, где украинский был разрешен, преследуя цель не дать увеличить дистанцию между русской и украинской нормами, в том числе искусственно фиксируя украинскую норму на более раннем этапе развития (первое издание Котляревского – 1798). В Эмских инструкциях специально запрещалась так называемая кулишовка, т.е. фонетическая орфография, разработанная П.А. Кулишем²⁶. С точки зрения властей она представляла собой не что иное, как увеличение разрыва между “общерусским” языком и “малорусским наречием” при помощи формальных графических средств.

Если в Российской империи этот вопрос оказался решенным “сверху” до 1905 г., в Галиции обсуждение орфографической проблемы в рамках национальной языковой программы продолжалось. Орфографические дискуссии разгораются с новой силой в середине 1880-х годов в связи с инициативами профессоров Черновицкого университета С. Смаль-Стоцкого и Ф. Гартнера, которые обратились в министерство образования с предложением ввести фонетическое письмо в школьное обучение. Получив поддержку из Вены, они создали школьную грамматику, применив там последовательный фонетический принцип для передачи украинской речи²⁷. Активно поддержал позицию “модернистов” М. Драгоманов. С 1878 г. он издает кириллицей произведения, в которых использует собственную систему орфографии, реализующую последовательное требование буквального фонетического соответствия (один звук – одна буква)²⁸. Здесь же Драгоманов формулирует главный свой аргумент в пользу такой системы орфографии: практичность, применимость для народной аудитории: “Фонетична правопись, це полегкість всъакіј дитині, вивчитись читати ј писати, всъакому мужикові раз на завше задержати собі в голові орфографіју, не боатись граматичних помилок, обходитись без писарья і т.и.!” [63. С. 166].

С именем Драгоманова связана и последняя попытка возвращения проблемы латинского алфавита в публичный украинский дискурс. В различных изданиях в 1881–1882 гг. он применял различные системы письма на основе латиницы, попытавшись объединить разные традиции²⁹. Наряду с обычным для галицких “латинизаторов” аргументом (латиница “зблизила б нас з більше цивілізованим світом”), Драгоманов при этом ссылается на то, что в Галиции “люде говорять по-русъки, а письма іншого ѹ не знають, окрім польського” [65. С. 280]. Он был

²⁶ Из выводов комиссии “Для пресечения украинофильской пропаганды” (1875): «Воспрепятствовать в Империи печатание, на том же наречии, каких бы то ни было оригинальных произведений или переводов, за исключением исторических памятников, но с тем, чтобы и эти последние, если принадлежат к устной народной словесности (каковы песни, сказки, пословицы), издаваемы были без отступления от общерусской орфографии (т.е. не печатались так называемой “кулишовкою”)» (цит. по [4. С. 242]).

²⁷ “Правопись, що тут виложена, є в головних точках фонетична, бо вона має за основу правило: Пиши, як правильно говориться. Правильно говорити значить обминати в мові всяки місцеві (нарічеві) властивості” (цит. по [62. С. 106]). О роли Министерства образования в утверждении фонетического правописания в Галиции см. [34. С. 9–15].

²⁸ Это требование прозвучало также в проекте Й. Иречека. Первым изданием с использованием “драгомановки” стал “Кобзарь” Т. Шевченко (Женева, 1878; второе издание 1881); отличительный признак орфографии Драгоманова – использование в кириллице знака *j* для передачи йотированных гласных *я, ю, є, і – ja, ju, je, ji*.

²⁹ Так, в переписке с М. Павликом (членом Научного общества им. Шевченко и его библиотекарем, соредактором ежемесячника “Громадський друг”, позже соредактором женевской “Громады”), начиная с 1879 г., он использовал комбинированную латиницу (подробнее см. [37. С. 16(158)]); в издании “Марии” (1882) – польскую; в «Письме в редакцию “Pracy”» (1882) – смешанную польско-чешскую [64. С. 4–11].

убежден, что “з ортографії не можна робити святощів, як це роблять українці з так званою кирилівською азбукою, з неї не можна робити фетіша й переносити того фетішізму і в народ”³⁰. Драгоманову, однако, так и не удалось вернуть латиницу в галицийский узус, нереализованными остались планы по изданию в 1882–1883 гг. во Львове латиницей украинской газеты в качестве приложения к польскому изданию “Praca”³¹, а проблема латинизации украинского письма вновь оказалась в рамках традиционного для Галиции украинско-польского спора. Осуществленное же им в Женеве издание поэмы “Мария” Т. Шевченко [66. С. 6–7]³² вызвало вполне ожидаемые обвинения в пренебрежении традицией и полонизаторских намерениях³³.

Показательно, что реакцией на модернистские проекты фонетизации украинского письма, как на основе латиницы, так и кириллицы, в Галиции стал отход части “народовских” изданий (например “Діло”) от принципов фонетической орфографии в сторону этимологии, но принципиально вопрос о форме языкового выражения украинскими националистами был решен именно в пользу фонетики.

Очевидно, что усилия Петербурга по вмешательству в языковую сферу принесли различные плоды в разных частях Западного края. Причину следует искать, в том числе, в различиях культурно-письменных традиций, определивших формы явного или скрытого противодействия имперской языковой политике. Так, в литовском случае традиция употребления кириллицы отсутствовала в принципе, она воспринималась как символ однозначно чужой культуры, что и предопределило провал имперского проекта по переводу письма на кириллицу. Отмена запрета на применение латиницы со стороны властей в 1904 г. может рассматриваться как вынужденное признание поражения. В белорусском случае, несмотря на официальный запрет публикаций на латинице, традиция ее употребления оказалась довольно прочной. Соревнование двух культурно-цивилизационных традиций в белорусской языковой среде возобновилось уже в начале XX в. после ослабления, а затем и снятия ряда цензурных ограничений. Так, среди 25 периодических изданий, выходивших в Белоруссии в период с 1901 по 1917 г., 9 печатались латиницей, а “Наша Доля” и “Наша Нива” – двумя шрифтами. Всего до 1918 г. тексты на белорусском языке встречались в 423 книжных изданиях, из них 129 были напечатаны латиницей, а в некоторых присутствовали и латинские, и кириллические тексты³⁴. Принципиальное отличие от украинского случая (при изначально схожей традиции употребления латиницы) определялось спецификой конфессиональной и социальной структуры

³⁰ См. [65. С. 280]; смр. [37. С. 13 (155)]; см. также: “Ми ніколи не робили з справ формальних – справи – прінципіальної. На забуку о правописі ми дивимось як на справу важну, та все таки формальну і, як би треба було для чого, то готові писати хоч гіерогліфами” (цит. по [63. С. 162]).

³¹ Планировалось назвать ее “Robota”, затем “Wilna Spilka”. См. соображения М. Павлика из письма Драгоманову, 1882: “З усім тим, будущій нашій газеті в Галичині треба буде друкуватись польською правопису, хотіть я ще в цім вагујусь” (цит. по [37. С. 32 (174)]).

³² Ср. другие издания произведений Т. Шевченко латиницей в поленофильских изданиях “Dziennik literacki” (1861, № 60, 62, 64) и “Siołko” (1866. Z. 2–3) в Галиции; подробнее см. [67].

³³ Главным оппонентом Драгоманова стал один из видных “традиционистов” Омелян Партицкий, автор одной из самых резких рецензий на “Марию”: см. “Вольное слово” (1882, № 36); о других рецензиях на издание см. [67].

³⁴ В том числе с 1901 по 1917 г. было издано 245 книг на белорусском языке, из них 158 на кириллице и 87 латиницей. Данные приведены в [16], см. также [68, 69].

белорусского общества: значительная часть крестьянского населения на белорусских землях идентифицировала себя с католическим (латинским) кругом культуры, латиница была составным элементом их сакрального мира. Не учитывать этого в своих попытках национальной и языковой мобилизации крестьянства белорусские националисты не могли. Этот факт, в свою очередь, препятствовал идеологизации проблемы алфавита в белорусском национальном дискурсе, тем самым здесь возобладали соображения практической целесообразности. Так, Вацлав Ивановский, возможный соавтор Марьяна Фальского в написании белорусского букваря на латинице 1905 г., отмечал по поводу использования двух шрифтов в белорусском книгопечатании: “Все мы знаем, что среди нас, Полешуков, Белорусов или – как еще себя называем – тутэйших, есть католики и православные; католики больше привыкли к латинским буквам, которые неправильно называют польскими, православные же к славянским, или, как говорят, русским.... Поэтому специально издаем букварь двумя шрифтами, выбирай, что тебе нравится, лишь бы знал каждый, что хоть буквы и разные, но звуки, силабы и слова те же самые, язык тот же и люди, которые разговаривают одним языком, это родные братья” (цит. по [70. С. 41]). Не решена была и главная задача: литературная эмансиация белорусского языка. В этих условиях белорусские националисты отводили алфавиту служебную, подчиненную роль (подробнее об этом см. [16]). Не став средством проведения национальной языковой политики, латиница, тем не менее, оказалась важным фактом языкового узуса, вступавшим в противоречие с проектом общерусского языка. Но поражение “объединительных” языковых усилий властей в Белоруссии оказалось временным.

* * *

Политика в отношении различных алфавитов претерпела причудливые изменения в первые десятилетия существования СССР [71. С. 182–207, 422–429]. Коренизация, проводившаяся в СССР в 1920-е годы, была основана на идеологии деколонизации и предусматривала поощрение местных языков в администрации и образовании. Кириллица воспринималась как один из символов русского империализма и русификации. Еще до того, как была выработана официальная позиция по языковым вопросам, некоторые народы перешли с кириллицы на латиницу (якуты в 1920, осетины в 1923 г.). Однако в целом ряде случаев этнические группы отвергли инициативы по введению латиницы и предпочли реформировать уже имевшуюся кириллическую письменность (коми, мордва, чуваши, удмурты). С монгольского письма на кириллицу перешли калмыки; кириллицу выбрали также хакасы, ассирийцы, цыгане, ойроты и некоторые другие малые народы. Таким образом, можно сказать, что в “свободном соревновании” латиницы и кириллицы однозначного преимущества ни один алфавит не имел.

Особенно интенсивно вопрос о введении латиницы обсуждался среди мусульманского населения. Движение за утверждение “нового тюркского алфавита” на основе латиницы было инициировано в Азербайджане в 1922 г. В 1926 г. в Баку прошел Тюркологический конгресс, который утвердил план реформы. К 1927 г. эта инициатива получила санкцию Политбюро и финансирование из госбюджета. Большевистское руководство считало, что переход на латиницу подорвет влияние ислама, который прочно ассоциировался с арабской письменно-

стью. Пантюркистский аспект этого проекта еще не слишком беспокоил Москву. К 1930 г. 39 языков были переведены на латиницу. Часть из них переходила на латиницу с кириллицы, в чем власти, провозгласившие великорусский шовинизм главной опасностью, не видели ничего предосудительного. Кампания перевода с кириллицы на латиницу финно-угорских языков при полной поддержке центральных властей была предпринята в конце 1920 – начале 1930-х годов. Всего к 1932 г. в СССР были переведены на латиницу 66 языков, а еще 7 готовили к этому. В конце 1920-х была даже начата подготовка к переводу на латиницу русского языка (прекращенная только в 1930 г. по специальному указанию Политбюро). Мы видим, что с изменением идеологических установок и политических приоритетов центральная власть в новой империи – СССР – могла кардинально изменить политику в отношении алфавитов по сравнению с властями царской империи.

На этом фоне особенно показательна судьба латинизаторских проектов в Белорусской ССР и Украинской ССР, т.е. на бывших западных окраинах Российской империи. Главная задача языкового строительства на Украине в 1920-е годы – создание единой орфографии для всех украинских земель с учетом исторического опыта ее развития. Эту задачу призвана была решить созданная 23 июля 1925 г. Государственная орфографическая комиссия при Народном комиссариате образования³⁵. В общей сложности на ее рассмотрение было представлено 60 проектов (в том числе 37 из Галиции), результатом работы комиссии стало издание сводного проекта “Український правопис” (Харків, 1926), где особо ставилась задача упорядочения алфавита (с. 4). Завершающим этапом обсуждения стал созыв в 1927 г. Всеукраинской конференция по вопросу упорядочения орфографии, который прошел в Харькове с участием представителей Западной и Восточной Украины (всего было 75 участников). Осознание того, что в орфографических дискуссиях по-прежнему присутствуют и внешние акторы, заметно в высказываниях республиканского руководства: “Тут приходиться уникати уклонів в двох напрямках, що мають місце при виданні українського правопису: стремління шляхом правопису відріжняти українську мову від польської або від російської мови, залежно від тої чи іншої орієнтації, яка є у тих чи інших представників нашої науково-суспільної думки”³⁶. “Український правопис” после бурного обсуждения на конференции и дополнительной доработки Президиумом комиссии (в ее состав входили А. Приходько, А. Крымский, О. Синявский, С. Пилипенко) был утвержден наркомом образования М. Скрипником в сентябре 1928 г.; спустя некоторое время в мае 1929 г. “Правопис” был одобрен на заседании Научного общества им. Шевченко во Львове [34. С. 20–21], что знаменовало важный этап в создании единой украинской литературной нормы.

Орфографическая дискуссия открыла возможность и для возвращения к вопросу о латинице применительно к украинскому языку, который, казалось, был уже решен окончательно. На этот раз проект латинизации украинского письма

³⁵ Об усилиях украинских ученых в этом направлении до 1925 г., а также о работе Комиссии см. [61. С. 14–17].

³⁶ Цит. по [72. С. 128]; использован отрывок из вступительной статьи от редакции перевода книги “В. Ленін. Дві тактики” (Харків, 1926) за подписью М. Скрипника. Эти высказывания Скрипника позже были использованы против него: «Очевидно, т. М. Скрипник стояв і на тій “орієнтації”, щоб відріжняти українську мову за допомогою українського правопису від російської мови» [72. С. 128] (впервые напечатано в [73. С. 42–56]).

был связан с концепцией марризма, предполагавшей и перевод русского языка на латиницу. В этом контексте латинизация рассматривалась как первый шаг по унификации языков и письма на основе единого латинского алфавита как наиболее распространенного, становясь актуальным заданием коммунистического строительства [74. С. 9]. Идею об унификации алфавитов применительно к украинскому языку сформулировал в 1923 г. писатель и журналист Сергей Пилипенко. В своем опубликованном латиницей письме “Odvertij lyst do vsix, xto cikaут’sja cijeu spravoju” он заявляет: “сейчас или никогда”. “Sprava cja stojit’ majže dylemoju... Ljudstvo maje odnakovo pysaty, aby men’še vytračaty času na oznamlennja z ynšymy movamy... latyns’kyj al’favit... je najkraščym sposobom unifikaty jak najskorše i jak najzručniše pys’mo rižnych narodiv” (цит. по [75. С. 349], впервые напечатано в [76]). Отбрасывая возможные обвинения со стороны “московофилов” (“u odhorožuvanni od rosijs’koji kul’tury, toji kultury, ščo najperša maje kopoljuvaty z ukrajins’koju”), так и “украинофилов” («pro odhoružuvannia vod Halyčyny i do pevnoji míry “polonizaciji”»), он в практической сфере предлагал постепенный перевод на латиницу школьного обучения и переход на печатание газет параллельно двумя алфавитами. Предложение С. Пилипенко поддержал Михаил Йогансен, подхвативший идею “латинского, а теперь интернационального алфавита” [77. С. 167–169]. Радикальный проект реформированной латинской в своей основе украинской орфографии был на практике использован группой киевских футурристов “Семафор в майбутнє”.

Однако в ходе обсуждения на Орфографической конференции 1927 г. предложение о переводе украинского письма на латиницу было отвергнуто. Эти проекты оказались на периферии общественного и языкового внимания, отодвинутые на задний план более актуальным заданием унификации западно- и восточноукраинской орфографических (кириллических) традиций. Тем не менее сам факт их появления хорошо отражает общий реформаторский настрой эпохи “украинизации”. Заметим, что часть этих предложений (их внес М. Скрипник) Конференция первоначально утвердила, и только вмешательство республиканских партийных властей не позволило им появиться в окончательной версии “Українського правописа”: «На конференції виникла дискусія в зв’язку з тим, що виступала досить значна група робітників конференції, яка запропонувала ввести латинську абетку в українську мову замість дотеперішньої кирилівки. Зрозуміло, що це поставило б бар’єр між російською та українською мовою, зрозуміло, що це на руку українським націоналістам. І коли голосуванням ці пропозиції було відкінuto, справа з алфавитом на цьому не закінчилась. Тов. М. Скрипник вніс пропозицію в український алфавіт внести дві латинських літери для визначення звуків “дз” та “дж”... ЦК КП(б)У під керівництвом Л.М. Кагановича – засудив таку лінію на введення в українському алфавіті нових латинських літер. Конференція скасувала своє попереднє рішення про “дз” і “дж”» (цит. по [72. С. 123]).

В советской Белоруссии этого периода без труда обнаруживаются аналогии с украинской ситуацией. Политика коренизации создавала чрезвычайно выгодные условия для становления последовательного фонетического правописания для белорусского языка. Академическая конференция по упорядочению орфографии прошла немного раньше украинской, в 1926 г. На ней также поднимался вопрос о возможности использования латиницы в белорусском письме, причем в этом случае аргументация такого шага была более основательной, чем на Украине. Помимо заявлений в революционно-марристском духе о латинице как

графике будущего и международном алфавите, среди доводов сторонников латинизации звучало обоснование ее преимуществ для передачи звуковых особенностей белорусской речи на письме; апеллировали они и к существованию устойчивой местной традиции использования латиницы в среде крестьян-католиков (о ходе конференции см. [78. С. 200–207]).

Убежденность в несвоевременности радикальных перемен в графической форме языка³⁷, а также усматривание в проектах по введению латиницы очередной попытки полонизации предопределили их провал и на Украине, и в Белоруссии. Весьма типично в этом отношении высказывание одного из идеологов языковой политики на Украине эпохи украинизации наркома просвещения М. Скрипника, который, подводя итоги орфографической дискуссии, увязывает идеи латинизации в разные исторические периоды прежде всего с темой “внешней” национальной угрозы: “Були ще спроби завести латинський альфавет для української мови. Видатнішими представниками введення цієї течії були з одного боку – група сполячених українських письменників 30 років 19 сторіччя, з другого боку, провідники колонізації в Західній Галичині 70-х та 90-х років, а останніми часами провідники чехізациі на Закарпатській Україні та румунський уряд, що в Бесарабії та Буковині нині живосилом провадить латинську абетку для українського населення Бесарабії та Буковини” [79. С. 418]. Эти аргументы были затем использованы властями, которые поспешили вмешаться и устроить политическое разбирательство. Уже в 1929 г. обвинения в планах по введению латиницы и пропольских настроениях фигурировали при арестах украинских и белорусских лингвистов. Отказ от идеи введения латинского алфавита не избавил их от обвинений в национализме, сформулированных комиссией Наркомпроса Украины по проверке работы на языковом фронте во главе с А. Хвылей. Выводы комиссии звучали так: “Нова комісія розглянула правопис і кардинально його переробила, відкинувши штучне відмежовування української мови від російської, спростивши правопис, ліквідувавши націоналістичні правила цього правопису, що орієнтували українську мову на польську, чеську буржуазну культуру” [80. С. 108]³⁸.

Рассмотренный нами сюжет показывает, что выбор алфавита для украинского языка в XIX и XX вв. неизменно был предметом политической борьбы. Участниками этой борьбы были как “национальные”, так и “внешние” акторы, а стратегии “национальных” акторов во многом определялись внешним контекстом.

Дальнейшая судьба белорусской и украинской орфографий (уже вне дискурса противопоставления алфавитов) является собой пример сознательного влияния на систему языка с целью ограничения разрастания национальных проектов через влияние на практику кодификации. Логика языкового строительства с середины 1930-х годов исходит не столько из необходимости нейтрализации внеш-

³⁷ “Дійсно заведення латинської абетки нині є фактом всіх тюркських народів СРСР. Правильно також, що латинська абетка значно спростила би український правопис, але автори тої пропозиції не зважили найголовніше того, що мілійони народів наших уже знають нашу звичайну абетку. Отже справа не в тому, щоб переучувати людей, що уже знають українську звичайну абетку на новий альфавет, а в тому, щоб яко можна скоріше навчити писати тих, що ніякої абетки не знають” (цит. по [79. С. 422–423]).

³⁸ В 1933 были репрессированы члены Президиума орфографической комиссии А. Приходько и инициатор латинизации С. Пилипенко (А. Крымский и О. Синявский подверглись репрессиям несколько позже).

него влияния на близкородственные русскому языки, сколько из стремления не допустить разрыва национальных и русской норм. Такая направленность “Українського правописа” (1933) декларируется открыто: “Основні виправлення стосуються ліквідації усіх правил, що орієнтували українську мову на польську та чеську буржуазні культури, перекручували сучасну українську мову, ставили бар’єр між українською та російською мовами. В зв’язку з цим а) ліквідовано націоналістичні правила щодо правопису іншомовних слів; б) викинуто з правопису форми, що засмічували сучасну українську мову архаїзмами, непотрібними паралелізмами, провінціалізмами” [81. С. 108]. В соответствии с логикой уничтожения “националистических ростков на языковом фронте” из украинского алфавита в 1933 г. была устранена, в частности, буква *т* как избыточная и даже вредная. Проект изменений белорусского правописания был утвержден постановлением Совета народных комиссаров Белорусской ССР также в 1933. Он зафиксировал некоторый отход от последовательного фонетического правописания. Другие направления вмешательства в сферу кодификации были аналогичны украинским: регламентация правописания и произношения слов иноязычного происхождения, устранение параллельных морфологических форм, отсутствующих в русском языке, отказ от терминов и лексем, тесно связанных с отдельными региональными традициями. Призывы к унификации норм повторяются вплоть до 1980-х, со временем только усиливаясь³⁹.

В качестве послесловия к нашей теме посмотрим на опыт использования латиницы в современных газетных, рекламных и других публикациях на Украине. Будучи ярким примером постмодернистской языковой игры (или игры с языком?), латинизированные тексты одновременно прекрасно вписываются в контекст “алфавитных войн” прошлого. Очевидно, что практика львовского журнала “Ї” или газеты “Поступ” по использованию латиницы, будучи обусловленной практическими и эстетическими целями, одновременно вызывает ассоциации с традицией употребления латиницы в XIX в. в данном регионе и работает на создание локального (регионального), почти экзотического колорита. Негативный языковой опыт, закрепленный в этноязыковом сознании, при ослаблении внешнего давления может вызывать процесс реэтничизации и установления новой связи с алфавитом. Так, в новых условиях связь с латиницей в украинском культурном дискурсе была переосмыслена. Она больше не воспринимается в категориях противопоставления национальных проектов (украинского и польского), но оказывается включенной в собственно украинскую национальную традицию, становясь средством региональной и/или исторической стилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fishman J.A. Language and Ethnicity: The View from Within // The Handbook of Sociolinguistics / Ed. by Florian Coulmas. Cambridge, 1997.
2. Миллер А. Империя Романовых и национализм. М., 2006.

³⁹ “На этапе развитого социализма, закономерностью которого является взаимодействие языков социалистических наций при наличии языка межнационального общения, роль которого успешно выполняет русский язык, не учитывать данной ситуации при выработке правил правописания было бы неоправданно, тем более, что в орфографических системах белорусского и русского языков много общего. Это обстоятельство требует идентичного отражения на письме одинаковых или близких явлений обоих языков, что должно способствовать повышению общей грамотности и стабилизации орфографического режима в школе, книжноиздательском деле, повседневной письменной практике” [78. С. 206].

3. *Miller A.* The Value and the Limits of Comparative Approach to the History of Contiguous Empires on the European Periphery // Towards Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire. Sapporo, 2006.
4. Миллер А. “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении. СПб., 2000.
5. Миллер А. Язык, идентичность и лояльность в политике властей Российской империи // Россия и Балтия. Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я половина XVIII–XX в. М., 2004.
6. Остапчук О. Фактор полилингвизма в истории украинского литературного языка // Славянский вестник. М., 2004. Вып. 2.
7. Малиновська Н. Фонетична система української мови XVII – початку XVIII ст. і латинська графіка. Olomouc, 2005.
8. Софронова Л. Функция границы в формировании украинской культуры XVII–XVIII веков // Россия–Украина: история взаимоотношений. М., 1997.
9. Brogi Bercoff G. Plurilinguism in Russia and in the Ruthenian Lands in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. The Case of Stefan Javors'kyj // Speculum Slavie Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages (Московия, Юго-Западная Русь и Литва в период позднего Средневековья) / Под ред. Вяч.Вс. Иванова и Ю. Верхоланцевой. М., 2005.
10. Moser M. Das Ukrainische im Gebrauch der griechisch-katholischen Kirche in Galizien (1772–1859) // Das Ukrainische als Kirchensprache. Українська мова в церквах. Wien, 2005.
11. Ісаєвич Я. Українське книговидання: витоки, розвиток, проблеми. Львів, 2002.
12. Вибір з старого руського письменства Подкарпаття (оть найдавнійшихъ початковъ до середини XIX в.) / Сост. Н. Лелекач и М. Грига. Унгваръ, 1943.
13. Biblioteka Księży z Czartoryskich (Kraków). Zbiór 3940 IV.
14. Ukrainky z nutoju Tymka Padury. Warszawa, 1844.
15. Wacław z Oleśka. Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego. Lwów, 1833.
16. Токть С. Латиница или кириллица: проблема выбора шрифта в белорусском национальном движении во второй половине XIX – начале XX века // Ab Imperio. 2005. № 2.
17. Худаш М.Л. Алфавітно-правописні принципи Йосипа Лозинського // Лозинський Й. Українське весілля. Київ, 1992.
18. Франко І. Азбучна війна в Галичині 1859 р. // Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія. Київ, 2004.
19. Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів, 1913.
20. Шашкевич М. Рускоє весілє описаноє через І. Лозиньского в Перемишли – в типографії владичній гр. кат. 1835 // Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія. Київ, 2004;
21. Русалка Дністровая. Будим, 1837.
22. Lewicki J. Odpowiedź na zdanie o wprowadzeniu Abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego. Przemysł, 1835.
23. Шашкевич М. Азбука і Abecadło. (Uwagi nad Rozrawą). O wprowadzeniu Abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego. Przemyśl, 1836.
24. Moser M. Das Ukrainische (“Ruthenische”) der galizischen Polen und Polonophilen zwischen 1830 und 1848/1849 // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2003. B. 62. N. 2.
25. Центральний державний історичний архів України у Львові (ЦДІ АУЛ). Ф. 474 “Документи про польські повстання 1830–31, 1848 р.”. Оп. 1.
26. Magocsi P.R. The Language Question as a Factor in the National Movement // Nationbuilding and the Politics of Nationalism. Essays on Austrian Galicia / Ed. A. S. Markovits and F.E. Sysyn. Cambridge (США), 1982.
27. Cięglewicz K. Rzecz czerwono-ruska 1848 roku przez Kaspra Cięglewicza. Lwów, 1848.
28. Нагаєвський В. Історія української держави двадцятого століття. Київ, 1994.
29. Кубайчук В. Хронологія мовних подій в Україні (зовнішня історія української мови). Київ, 2004.
30. Ueber den Vorschlag, das Ruthenische mit lateinischen Schriftzeichen zu schreiben / Im Auftrage des K.K. Ministerium fuer Cultus und Unterricht verfasst von J. Jirecek. Wien, 1859.
31. Рудницький Я. Мовна та правописна справа в Галичині. Львів, 1937.
32. Мойсеєнко В. Про одну спробу латинізації українського письма // “Ї”, незалежний культурологічний часопис. Львів, 1997. № 9.
33. Українсько-руський архів. Львів, 1911. Т. VII.

34. Гузар О.В. Правописна система Галичини другої половини XIX – початку ХХ ст. Львів, 1994.
35. Brock P. Ivan Vahylevych (1811–1866) and the Ukrainian National Identity // Nationbuilding and the Politics of Nationalism. Essays on Austrian Galicia. Cambridge, 1982.
36. Дедицкий Б. О неудобности латинской азбуки въ письменности руской. Вѣдень, 1859.
37. Сімович В. Правописні системи М. Драгоманова (латиниця, драгоманівка). Прага, 1932.
38. Różniak J. Pisny z dawnych lit. Lwów, 1877.
39. Позняк Я. Піснъ народная // Українською музою натхненні (польські поети, що писали українською мовою). Київ, 1971.
40. Успенский Б.А. Николай I и польский язык (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: вопросы графики и орфографии) // Успенский Б.А. Историко-филологические очерки. М., 2004.
41. Франко І. Етимологія і фонетика в южнослов'янській літературі. Коломия, 1894.
42. Павловський Ол. Грамматика малоросійського наречія // Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія. Київ, 2004.
43. Павловский А. Грамматика Малороссийского наречия. СПб., 1818.
44. Русалка Дністровая // Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія. Київ, 2004.
45. Максимович М. О правописанії Малоросійського языка: Письмо къ Основьяненку // Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія. Київ, 2004.
46. Максимович М.А. Собрание сочинений. Киев, 1880. Т. III.
47. Pię kopy kazok. Napysau Spirydona Ostaszewskiego dla wesołego Mira. Wilno, 1850.
48. Pieśni Antoniego Szaszkiewicza wraz z jego życiorysem wydał Stefan Buszczyński. Kraków, 1890.
49. Франко І. Король балагулів. Антін Шашкевич і його українські вірші // Франко І. Зібрання творів у 50-ти томах. Київ, 1982. Т. 35.
50. РГІА.
51. Центральний державний історичний архів України (ЦДІ АУ). Ф. 707 (Канцелярия попечителя Київського учебного округа). Оп. 261. Ед. хр. 7.
52. Vulpis R. Language Policy in the Russian Empire: A Case of Translation of the Bible into Ukrainian, 1860–1906 // Ab Imperio. 2005. № 2.
53. Німчук В. Українські переклади Святого письма // Das Ukrainische als Kirchensprache. Українська мова в церквах. Wien, 2005.
54. Jaeger M. Działalność propagandowo-informacyjna w latach powstańczych (1794, 1830–1831, 1863–1864). Lublin, 2002.
55. Зайцев В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (опыт статистического анализа). М., 1973.
56. Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. Washington, 2000. Vol. 59. № 1.
57. Dowler W. Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917. Toronto, 2001.
58. Geraci R. P. Window to the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca, 2001.
59. Werth P. W. At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca, 2001.
60. Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004.
61. Німчук В. Переднє слово // Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія. Київ, 2004.
62. Смаль-Стоцький С., Гартнер Ф. Руска граматика // Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія. Київ, 2004.
63. Драгоманов М. В справі реформи нашої правописі (1887) // Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія. Київ, 2004.
64. Драгоманов М. Листи до Ів. Франка і інших: 1887–1895. Львів, 1908.
65. Чудацькі думки про українську національну справу, написав Михайло Драгоманов. Львів, 1892.
66. Marija maty Isusowa. Wirszy Tarasa Szewczenka z uwahamy M. Drahomanowa. Żenewa, 1882.

67. Повне видання творів Тараса Шевченка. Т. XVI. Бібліографія. Покажчик видань шевченкових творів та список бібліографічних праць про Шевченка / Зібрав і впорядкував В. Дороженко. Варшава; Львів, 1939.
68. Александровіч С.Х. Пуцявіны роднага слова: Проблемы развіцця беларускай літаратуры і друку другой паловы ХВХ – пачатку XX стагоддзя. Мінск, 1971.
69. Кніга Беларусі. 1517–1917. Зводны каталог. Мінск, 1986.
70. Turonek J. Waclaw Iwanowski i odrodzenie Białorusi. Warszawa, 1992.
71. Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; London, 2001.
72. Хвіля А. Викорінити, знищити націоналістичне коріння на мовному фронті // Українська мова у ХХ сторіччі. І сторія лінгвоциду. Київ, 2005.
73. Більшовик України. 1933. № 7–8.
74. Москаленко А.А. Питання графічної нормалізації української мови після Жовтня. Принципи організації правопису української мови після Жовтня // Москаленко А.А. І сторія українського правопису (радянський період). Одеса, 1968.
75. Пилипенко С. Odvertuj lyst do vsix, kto cikavyts'sja cijemu spravoju // І сторія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія. Київ, 2004.
76. Червоний шлях. 1923. № 6–7.
77. Johansen M. Пристосування латиниці до потреб української мови // Червоний шлях. 1923. № 9.
78. Мусаев М. К. Белорусский язык // Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР. М., 1982.
79. Скрипник М. Підсумки правописної дискусії // І сторія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія. Київ, 2004.
80. Постанова Народного комісара Освіти УССР від 5-го вересня 1933 р. про “Український правопис” // Українська мова у ХХ сторіччі: історія лінгвоциду. Київ, 2005.
81. Хвіля А. До видання нового українського правопису // Українська мова у ХХ сторіччі: історія лінгвоциду. Київ, 2005.